

ЧТО ИМЕННО УТВЕРЖДАЕТСЯ?

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Идеи, положенные в основу исканий редакцией журнала, ставят перед ней задачу чрезвычайной важности. Задача эта формулирована совершенно ясно: найти такие элементы пореволюционного миросозерцания, которые сходились-бы в утверждениях и таким образом сузили-бы круг отрицаний и отталкиваний, — этого наследия до-революционной эпохи.

Эта задача может быть выполнена двояко. Она может быть поставлена узко, как задача группы людей, уже принявших для себя ряд конкретных утверждений. Может быть поставлена широко, как задача для всех, как искание предпосылок, обязательных для всех, кто жаждет найти своего рода синтез из всей громады пережитых событий и обосновать на нем борьбу за Россию.

Повидимому, редакция понимает свою задачу во втором, более широком смысле, когда говорит: «нам необходима концентрация всех сил, всего пореволюционного фронта для выполнения первостепенной важности задачи, лежащей на журнале: оформлении единой пореволюционной идеологии, формулировки Российской исторической идеи в ее проекции на современность».

Можно сомневаться «может-ли быть вообще найдена такая единая идеология». Никогда не было ее и в прошлом. Но безусловно можно найти, установить, утвердить ряд предпосылок, созвучных новой пореволюционной эпохе и принимаемых не как отдельные звенья чьей-то программы, а как фон для разных программ, как ряд общих основ, как ряд утверждений, сближающих в общем представлении о новой России и людей самых различных направлений.

Не все авторы статей журнала так именно понимают свою задачу. Большинство сбивается на узко-групповую платформу.

Единственная статья, которая остается все время на этой более широкой платформе, — это превосходная, блестящая и яркая статья Н. А. Бердяева. Именно он указывает на ряд предпосылок, на стиль эпохи, так повелительно выдвинувшей перво-степенное значение человеческой личности и духа свободы. С Н. А. Бердяевым мы исходим из совершенно разных философских воззрений на мир и на истоки человеческого поведения в нем. Но его утверждение свободы духа, свободы совести и безусловного значения человеческой личности, как незыблемых основ государственных и общественных форм жизни, — это именно те предпосылки, отсутствие которых искажало русскую жизнь в прошлом и привело к великой катастрофе. Ясно также, что никакое «возрождение» не может ни начаться, ни быть сколько нибудь удачным и глубоким без категорического утверждения этих предпосылок в жизни и поведении отдельной личности, группы, партии и, наконец, государства.

Казалось-бы конкретная разработка этих чисто реальных проблем, стоящих перед Россией, нахождение средств борьбы за эти предпосылки конкретной, современной России, создание центра идейного влияния на ход жизни там и на развитие новой идеологии постолько, поскольку отмирает доктрина коммунизма, цепко захватившая пореволюционное поколение молодежи, — такая трудная, но и благодарная задача для работы здесь!

Но... Эти реалистические проблемы не прельщают сотрудников журнала. Многие из них предпочитают утопать в облаках такой туманной мистики, что практический политик не сразу даже усвоит язык, которым говорят эти мистики. Конкретная русская задача пореволюционного преобразования страны и воодушевления творческими задачами ее новых сил, выдвинутых революцией, совершенно пропала из поля зрения, утонула в пышных фразах о каком-то мессианстве, о всемирных свершениях, о «всемирно-историческом кризисе», о «конце всех концов» и о «начале всех начал» и т. д. и т. д.

Живя среди чужих народов, наблюдая самые разнообразные кризисы, мы видим, как упорно, настойчиво, с каким арсеналом средств, с какими провалами и достижениями ищут на-

роды выхода из тяжких затруднений, созданных войной и устарелостью машины капитализма. Они ищут новых форм жизни, свергают королей, пробуют спасительность фашистской диктатуры, охраняют республики, стремятся к обновлению не только отдельных государств, но и целых континентов. И все это — в форме реальных планов, организованных действий, создания нужных кадров, — без туманов мистики.

И только мы, русские, ходим среди этих народов в трансе «вселенских миссий», с гордым намерением «спасти мир», спасти вот этих грешных реалистов, ибо только мы знаем «тайну спасения», только мы призваны осчастливить вселенную указанием ей «новых путей»... Мы, — не могущие спасти свою собственную страну...

Что можно «утвердить» в облаках этого тумана? И что вообще эта «вселенская миссия» означает? Если то, что опыт России учит, то, это, ведь, не соответствует этой... мании величия?

И самое главное: какая борьба на почве такой идеологии возможна с коммунизмом?

С моей точки зрения — никакая... Надо отдать справедливость русским коммунистам; их задачи проникнуть практическим реализмом. Они тоже любят говорить о «всемирности» их задач. Но какая разница! Ведь они указывают на определенные кадры, — пролетариат — которые связаны общностью интересов. Реальность — ли эта их «общность»? Да, есть много общих задач, — правильно или ошибочно решаемых, — у пролетариев всех стран. У русских большевиков есть еще и особая задача: самозащита, стремление удержаться на завоеванных ими местах. К этой именно, совершенно ясной, конкретной задаче они притягивают сочувствующих им во всех других странах: защита русской революции. Они готовят войско и войско крепкое, дисциплинированное, — войско способное сражаться вовсе не за какие то «всемирные химеры», а попросту за свое «советское отечество», — за себя, за свои собственные интересы, за эту новую Россию, которую они строят!

Что должны делать их противники, — идейные противники, — т. е. те, которые убеждены, что на этих началах новая Россия удержаться не может, обновиться не может, жить и развиваться не может? Ясно — что. Они прежде всего свои идео-

логические предпосылки должны облечь в конкретные лозунги. Они должны определить, какие средства находятся в их распоряжении **с е й ч а с** для борьбы за эти лозунги. Они должны подбирать живые силы и постоянно упражнять их — в действии. Они должны постоянно искать слабые места в работе противника и обнаруживать их не для возбуждения пустой и бесплодной злобы, а для утверждения своей истины.

Если же в распоряжении идеологов есть только одно «непредрешенство», если нет живых кадров, понимающих, **ч т о** именно они отстаивают, **з а ч т о** борются, если нет в руках никаких средств, если не видно конкретных путей — тогда не поможет никакое «мировоззрение», никакая «вселенскость», и *mania grandiosa* будет только смешна...

Замечено: люди витают в облаках и ищут исполинских дел именно тогда, когда нет земных корней для их работы. Таких людей сейчас много. Война и революция так приучили их к необычности событий, к постоянно воспаленной психике, что искание средств по росту и силе нашей кажется им «принижением» дела, реальность не вдохновляет их, не будит творческого воображения и даже отталкивает своей будничной простотой и узостью. Им нужны «вселенские миссии» (на меньшее не согласны), и опьянение «величием» напыщенных, но к сожалению пустых и бессодержательных фраз.

А там... А там — враг трезвый, расчетливый, хитрый, оперирующий реальными величинами... Люди, свихнувшиеся, ушедшие в высоты мистики, ему не опасны: он с ними — в разных плоскостях.

Сильны ли кадры противника? Как они создаются? Кто знает их численность? Характер? Психологию?

Силы антибольшевистские, — как правило, — этим интересуются мало. Для составления своей собственной идеологии они довольствуются упрощенными антитезами: коммунизм — антикоммунизм; безбожие — религиозная настроенность: интернационал — национальное; классовая борьба — бесклассовая общественность и т. д. и т. д. Эта упрощенность через 13 лет господства над Россией советской власти совершенно не соответствует не только интересам самой страны, — ее «синтез» много сложнее теперь, — но уже, конечно, и идеям того

«советского актива», которому непременно придется играть большую роль и в случае переворота, и в случае ненавидимой здесь эволюции правящего слоя в стране. Этот актив оброс уже давно и чисто российскими задачами, — на своих плечах выносит он и «пятилетку», и «монополию», и многое другое, что сразу не сможет уничтожить ни один наследник большевиков. Ясно, что типы людей этого актива, — так называемые «большевистские кадры», в высшей степени интересны.

Только что вышла книга американца, известного чикагского профессора Самюэля Харпера «Как создают большевиков». Харпер хорошо знает и старую, и теперешнюю Россию. Но разве отвлеченно отвечает он на поставленный вопрос? Нет. Он детально и конкретно изучил силуэты партийца, комсомольца, ударника, колхозника, культработника, красноармейца. Изучил партийный и советский аппараты. Что в них от старого и что от нового? Во всем современном укладе в характере кадров, Харпер отмечает военные черты. Как будто-бы все эти люди — из военных лагерей... На войне. В ожидании войны. И потому — скованы железной дисциплиной. Харпер стремится различить, что в этой кипучей деятельности большевиков является, так сказать, детскими болезнями их роста и упрочения, и что, напротив, — указывает на органические пороки самой советской системы. Насколько этот европейский метод изучения коммунизма полезнее нашей русской окрошки из всех этих «все-ленских миссий», годных лишь для мечтаний в парижских мансардах, но отнюдь не для сражений с кадрами, накапливаемыми в русских военных лагерях большевизма!

И пока эмиграция будет пребывать в состоянии миссионера, которому поручено переустройство и спасение вселенной, до тех пор все ее попытки повести борьбу за Россию будут бесплодны. Двадцатый век — век грандиозных изобретений и широчайших идей. Но все решительно идеи XX-го века носят в то-же время печать глубокого реализма, счета и учета обстоятельств, их осуществлению содействующих или препятствующих. Мистика — интимное дело каждого. Это — не идеология борьбы.

Вот на какие мысли навело меня внимательное чтение первого номера «Утверждений».

Ек. Кускова.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы очень признательны за ценные замечания. В целом разделяя мнение Е. Д. Кусковой о необходимости учета реальностей, мы тем не менее не можем согласиться с несколько примитивным смыслом, который она вкладывает в этот термин; для нас реальности возможны двух порядков—высшего и низшего. Внимательное ознакомление с советской печатью и литературой, изучение типологии актива, беседы с приезжими — всему этому мы также уделяем немало внимания; но постигаемые таким способом реальности для нас **вторичны**, производны — они ценны главным образом тем, что облегчают осознание другой, **высшей** реальности, которая нами воспринимается, как **основная** и всеопределяющая: имя ей — **духовно-историческая конъюнктура**. Новая надвигающаяся эпоха повидимому требует развития особого, «шестого», чувства: чувства мета-исторического. Деятелям, духовно сложившимся до революции, иногда бывает столь-же трудно развить в себе эту особую восприимчивость к ритму истории, как трудно человеку, по природе не музыкальному, развить в себе абсолютный слух. Отсюда—наименование всего, выходящего за пределы привычных методов познания, — мечтами, туманами, мистикой, окрошкой. Нам-же думается, что даже рационалисту трудно признать «только случайностью» тот факт, что почти в одно и то же время, безо всякого «сговора», зазвучали одни и те-же мысли в Харбине и Софии, Берлине и Париже, отражая в разных аспектах **одну и ту же** высшую реальность: назревающую актуализацию идеи исторической миссии России. В настоящих условиях всякому действительно-объективному наблюдателю трудно, казалось бы, отрицать, что именно теперь и именно через Россию проходит **центральная тема** истории, что этот факт сам по себе уже налагает на Россию определенную **миссию** и заставляет всех, сознательно относящихся к происходящему, ставить российскую проблему, как проблему **всечеловеческую**.

Е. Д. Кускова склонна считать утвержденных «мансардными» утопистами. Может быть со своей точки зрения она и права — но у нас возникает сомнение в устойчивости понятия «утопизма». Дореволюционные рационалисты упорно считали в свое

время и Ленина мансардным мечтателем — в чем тоже были, вероятно, по своему правы. Но не явилась-ли в условиях российской действительности попытка «реалистов» ввести буржуазно-парламентский строй трагического облика утопией? И не овладел-ли реальностью патентованный утопист? Нам кажется, что Ленин оказался победителем не потому, что он лучше других знал факты экономической жизни, — а потому, что и у него была та самая «мистика» (пусть наизнанку), силу и реальность которой не хочет учесть Е. Д. Кускова.

Что же касается **объектов** российской исторической миссии, а тем более проблемы мессианского призвания — то эти вопросы (и здесь мы вполне согласны с Е. Д.) требуют при своем обсуждении величайшей собранности и трезвости. Осознание этих идей прежде всего налагает огромную **ответственность** — и не может ни при каких условиях вести к утверждению национальной заносчивости. Миссия — не право, а долг, возлагаемый историей.